

Отделение неотложной помощи – это воплощение человеческих трагедий. Слезы и объятия тут были слишком привычным явлением, и поскольку каждый человек терзался здесь тревогой, никто даже не обратил внимания на двух крепко обнимавшихся молодых людей, и никого не волновало, почему этот дрожавший юноша так горевал.

Это была всего лишь очередная трагедия. Кто из людей, ждавших здесь, не был в печали? Однако никто не подозревал о том, что причиной боли Лу Ляньгуана был вовсе не пациент, чья жизнь висела на волоске. Напротив, тот пациент, которого врачи всеми силами пытались спасти, как раз и был виновником этой трагедии.

Они обнимали друг друга посреди толпы, но никто не бросал в их сторону странные взгляды. Тан Цу осторожно поднял руки и обнял Лу Ляньгуана в ответ, тихо прикрыв глаза. Впервые в жизни он почувствовал тепло и заботу другого человека, то, как кто-то хочет его исцелить. Раны медленно начали закрываться и заживали с огромным трудом.

Минуты словно растянулись в бесконечность. После того, как они оба поняли, что прошло уже много времени, Лу Ляньгуан осторожно ослабил объятия. Ему удалось взять под контроль свои эмоции, но у него все еще оставалось много вопросов, многих вещей он не понимал, и поэтому сдержанно спросил:

- Могу я задать вопрос? Почему она так с тобой обошлась? Если тебе будет неловко, то можешь не отвечать.

Уже в тот момент, когда Тан Цу взял с собой Лу Ляньгуана, он принял решение.

- Все в порядке, – покачивая головой, сказал он. – Мне не будет неловко, я только беспокоюсь, что...

Я беспокоюсь, что после того, как я открою причину, неловко будет тебе.

Но прежде, чем он успел договорить, внезапно открылись двери отделения реанимации. Оттуда выехала каталка с пациентом, и несколько групп семей, ждавших под дверью, издали полный надежды радостный крик и окружили каталку. Но их надежды рухнули, потому что из реанимации вывезли женщину. Никто не ожидал, что она еще может убежать от врат ада.

Мадам Тан была спасена на грани смерти.

- Члены семьи Тан! А, вы тут, я вам кое-что объясню, – доктор, который только что вызывал Тан Цу, чтобы подписать уведомление о критическом состоянии, поспешно подошел к нему. Он явно был очень занят, потому что еще до того, как Тан Цу смог ответить, продолжил:

- Нам удалось ее спасти. Она пришла в сознание и на данный момент находится в стабильном состоянии, но... Насчет ее болезни... Я могу быть уверен, что вам, ребята, все понятно? Если

есть родственники, которые с ней не виделись, позвоните им в течение нескольких дней. Вот отчет, не стойте, ступайте за каталкой! Больную все равно нужно будет перекладывать на койку в палате. Все медсестры заняты, вам, молодые люди, самое время помочь.

В отделении неотложной помощи врача еще ждали другие пациенты. Дав необходимые указания, он вернулся к работе. В руку Тан Цу насильно засунули медицинский отчет, и медсестра махнула ему рукой, чтобы они их догоняли. Они молча переглянулись с Лу Ляньгуаном – им оставалось только схватиться за каталку мадам Тан и уйти вместе с ней.

Они вдвоем помогли медсестрам благополучно переместить мадам Тан с больничной каталки на койку в эксклюзивной палате интенсивной терапии. Мадам Тан была настолько измучена болезнью, что от нее остались лишь кожа да кости. Как подозревал Лу Ляньгуан, помощи двух молодых людей и пары хрупких медсестер было вполне достаточно, чтобы переложить ее с места на место.

Мадам Тан только что вернулась в мир от врат смерти. Все это время ее глаза были открыты и не отрывались от Тан Цу. Во время движения, кажется, она чуть больше пришла в себя. Они понятия не имели, о чем она думала, но теперь мадам Тан с ненавистью уставилась на Лу Ляньгуана, который был одет в обычную одежду и явно не был врачом.

Господин Тан потратил много денег, чтобы забронировать эту палату интенсивной терапии только для одного человека. Не было никаких ограничений на посещение, и члены семьи могли оставаться здесь все время в ожидании, пока пациент выздоровеет или скончается.

Настроив все устройства, подключенные к телу мадам Тан, медсестры проинструктировали их о мерах предосторожности и ушли. Тан Цу тоже приготовился уходить – ему оставалось только дожидаться Тан Ци, чтобы передать тому стопку отчетов, которую он держал в руках. Он обменялся взглядами с Лу Ляньгуаном. Когда они уже собирались отойти от больничной койки, мадам Тан внезапно протянула тонкую, как спичка, руку и вцепилась в край одежды Тан Цу.

- Мне нужно кое-что тебе сказать, – с яростью заговорила мадам Тан, но была слишком слаба, и ее голос дрожал. Властный тон, который пугал Тан Цу в детстве потерял весь свой эффект. – Пусть этот человек уберется отсюда!

Лу Ляньгуан встретился с ней глазами, и ни один из них не удосужился спрятать ненависть во взгляде. К сожалению мадам Тан, ее состояние не позволяло орать, ругаться и выражать свой гнев, поэтому она только с ненавистью повторила:

- Убирайся отсюда!

- Я подожду тебя снаружи, – сказал Лу Ляньгуан Тан Цу.

- Хорошо, иди, я вскоре тебя найду.

Госпожа Тан никогда раньше не видела, чтобы Тан Цу говорил с кем-либо настолько тепло, и сразу же пришла в такую ярость, что потеряла рассудок. Ее больше не заботило то, что могут услышать посторонние. Когда Лу Ляньгуан закрывал дверь, он услышал, как мадам Тан ругала Тан Цу:

- Ты бесстыдная тварь!

Рука Лу Ляньгуана, сжимавшая ручку двери, напряглась, на кисти вздулись вены, но он не повернул назад. Он сумел сдержаться и оставил их наедине.

Тан Цу опустил глаза, посмотрел на ее болезненное лицо и спокойно спросил:

- Что вы* хотели мне сказать? [Прим. англ. пер. Здесь Тан Цу использовал 你 (nǐ), вежливую форму 您 (второго лица), однако потом он пользуется 你 (ты).]

- Что это у тебя на лице за выражение?! Ты так себя ведешь, будто посторонний человек тебе родной, а мать тебе чужая! - мадам Тан было трудно подавить свое негодование. Она только что пережила близость смерти и не бояться просто не могла. Ей с огромным трудом удалось выстоять, но в тот момент, когда она вернулась в мир, ее встретили настолько холодно, что никто подобного не вынес бы. Она испытывала и грусть, и ярость одновременно.

- Где твой брат?! - выдохнула она. - Почему ты здесь? Что с твоим отцом?

- Тан Ци уже сюда едет, - весьма бесстрастно ответил Тан Цу. - У тебя больше нет вопросов? Тогда я уйду первым, мой друг все еще меня ждет.

После короткого разговора мадам Тан почти полностью пришла в себя.

- Так-то ты обращаешься со своей матерью? - резко сказала она. - А я-то все думала, что ты вернулся в Китай потому, что пожалел. Ты точно знаешь, что был неправ! Так зачем ты вернулся?! О, я знаю. Ты по-прежнему ненавидишь свою маму, ты специально сюда этого своего «друга» привел, хотел разозлить меня до смерти, да?!

Тан Цу слегка нахмурился. Он привык к подобному обращению, но не выдержал того, каким пренебрежительным тоном его мать говорила о Лу Ляньгуане. Его голос стал еще холоднее:

- Я приехал лишь для того, чтобы моя младшая сестра могла упокоиться с миром.

Младшая сестра. Эти слова в семье Тан были табу. Но, как ни странно, на этот раз мадам Тан не разразилась гневом... Или, возможно, у нее просто уже не было сил злиться. Она просто трясутымся взглядом уставилась на своего старшего сына.

Они все еще были непримиримыми врагами.

Этот ребенок был ее первенцем, и был мальчиком, поэтому, конечно же, она перед ним заискивала. Муж тогда был очень занят на работе, и у них на какое-то время сложились очень близкие отношения. Но после того случая все изменилось.

Она сама отправила дочь на тот свет и потеряла сына.

Когда люди умирают, кажется, что больше им нет причин лгать. Губы мадам Тан задрожали и спустя долгое-долгое время она их разжала:

- Она уже умирала. Даже если бы я не отправила ее на тот свет, она бы умерла.

Впервые за двадцать лет она в этом призналась. Тан Цу почувствовал, как в его душе поднимется гнев, и его ногти глубоко впились в ладонь.

- Даже если она бы умерла от болезни на следующий день, убийство есть убийство, - сказал он, сдерживая себя.

Убийство. Это резкое слово уязвило мадам Тан. Много лет назад Тан Цу, который только вошел в подростковый возраст, бессердечно сказал это слово полиции. Ужасный рассказ из уст ребенка о давнем происшествии, не подтвержденный никакими доказательствами. Подросток обвинял жену солидного и известного предпринимателя, поэтому полицейские сочли, что взрослые уже решили этот вопрос, который не успел вызвать никаких волнений. Но по ночам во сне мадам Тан часто слышала, как ее старший сын громко кричит: «Она убийца! Я это видел! Я это видел собственными глазами! Она убила человека!»

Десять с лишним лет спустя Тан Цу все еще отказывался отпустить ее грех и продолжил:

- Не нужно придумывать подобные оправдания. Лейкокория - не неизлечимая болезнь. Ее рано обнаружили, но вы откладывали лечение до тех пор, пока все не зашло слишком далеко.

- Ты... ты белоглазый волк!* - грудь мадам Тан поднималась и опускалась, и она крепко вцепилась в кислородную трубку. - Думаешь, я никогда не хотела ее лечить?! В то время компания твоего отца почти разорилась, и все партнеры его бросили. У нас лишней копейки не было. Если бы я повезла ее на лечение, нам пришлось бы отдать все, что у нас было, и продать дом. Если бы мы спустили деньги на лечение твоей сестры, если бы компания твоего отца обанкротилась, знаешь, что бы тогда случилось? Нам пришлось бы собрать вещи и вернуться в ту маленькую деревню! Как думаешь, ты смог бы вырасти в таком большом городе, как Дунлин, и жить роскошной жизнью молодого господина? Мечтай больше! Ты пользовался всеми преимуществами, но теперь, когда ты вырос, клянешь нас за то, тогда мы не отдали все, что у нас было, на ее лечение?! [Прим. пер. Белоглазый волк - неблагодарный жестокий человек.]

Выражение лица Тан Цу не изменилось.

- Да, - твердо ответил он. - Тогда мы должны были отдать все, чтобы ее вылечить. То, что вы с отцом не спасли ее, означает, что как родители вы провалились. А за то, что ты ее убила... ты не заслуживаешь называться человеком.

- Что ты сказал?!

Мадам Тан смотрела на него так, как будто ее глаза вот-вот должны были треснуть*. Голова у нее кружилась от гнева. Ей не было еще и пятидесяти. И в таком возрасте она уже подошла к концу своей жизни. Пройдя через начальный, самый трудный этап принятия смерти, она начала желать, чтобы у нее хотя бы не осталось никаких сожалений. Но если она могла сказать, что весь ее тяжелый труд и жертвы, принесенные в жизни, все ее надежды были связаны с младшим сыном Тан Ци, который все еще почитал родителей и был послушным, то самым большим ее огорчением был старший сын, Тан Цу, который уехал очень далеко и больше никак не выходил на связь. [Прим. англ. пер. 妈妈 (mù zì jìn liè) - это буквальный перевод. Выражение описывает человека, который зол до предела.]

Из-за этого она продумала все способы узнать адрес Тан Цу. Поняв, что ее повсюду внесли в черные списки, она прибегла к самому примитивному методу - отправила письмо. И трюк сработал - она всей душой поверила, что непочтительный сын приедет к ней и будет рыдать и плакать от боли у ее постели. Мать и сын переживут воссоединение, помирятся, и этот финал заполнит самый большой пробел в ее жизни... Но сегодня, когда старший сын пришел к ней и стоял у ее больничной койки, с его губ слетали слова «убийца» и «не заслуживаешь называться человеком»!

- Говоришь, что я не человек? Болезнь, которая у нее была, этот вид рака, ты знаешь, что об этом врач сказал? Он сказал, что это может быть наследственным! Как только все об этом узнают, сможешь ли ты жениться?! И когда мы это узнали, я уже была беременна сыном, а это значит, что вам обоим это будет мешать! Среди моей родни уже пошел слух, что я родила чудовище. Что, нам надо было тянуть время дальше, чтобы еще больше народу об этом узнало, и наша семья стала еще большим посмешищем? Даже гадалка сказала, что она была для нашей семьи проклятием! Наш семейный бизнес начал рушиться, когда я ей забеременела... - у нее сдавило в груди, ей не хватало воздуха, и поэтому она остановилась и вдохнула кислород.

- Я забыла, - внезапно расхохоталась она, - ты даже не хочешь жениться, конечно, ты бы это сделал, тебе плевать на мою репутацию... Ну почему тебя тогда не вылечили? Я родила подряд двух чудовищ! К счастью, твой младший брат почтительный сын, я могу на него положиться в этой жизни...

Прежде, чем она успела закончить, дверь палаты с грохотом открылась, а в дверном проеме показался мрачный Тан Ци.

- Сяо Ци! - закричала мадам Тан, широко распахнув глаза. Поначалу она была вне себя от радости, но, когда увидела выражение лица вошедшего сына, запаниковала.

Как долго он стоял на пороге? Шло время, муж относился к ней все небрежней, и отношения между ними как между мужем и женой давно изжили себя. Старший сын ее ненавидел и желал одного – чтобы она умерла и заплатила своей жизнью за то, что сделала. Тан Ци был ее единственным утешением и надеждой конца жизни. Не могло так случиться, не могло так совпасть, чтобы он это услышал...

- Старшая сестра не умерла от болезни, это ты ее убила, - услышала она. Ее маленький сын, которому она отдала двадцать лет тяжелого материнского труда, с болью сказал:

- Ты убила человека. Я - сын убийцы. Так вот оно как, мам?

Мадам Тан изо всех сил старалась поддержать свое костлявое тело и внимательно смотрела на лицо Тан Ци. На нем были только ужас, вопрос и болезненное разочарование. Не осталось ни малейшего чувства обожания – даже ее маленький сыночек не признал, что у нее были добрые намерения, и обратился к ней с обвинением!

Единственные надежда и утешение мадам Тан были уничтожены вот так. За всю жизнь она родила трех детей. В тот момент, когда она умирала от болезни, и страдания были хуже смерти, не оказалось ни одного человека ее крови, на которого она могла бы положиться. Судьба собирала долги и каждая минута, каждая секунда, которые она проживала, были наполнены болью и разочарованием.

Глаза мадам Тан закатились, и она упала навзничь.

<http://bllate.org/book/13908/1225792>